

appeared in the Kazakh steppes, and the Kazakhs began to settle near these villages. The relationship between the Kazakh population and the immigrants were peaceful. They worked together on the ground, sowed bread. Many Kazakhs began to learn the Russian language and were hired to work for Russian peasants. Labor contacts became more active. Western Kazakhstan was actively involved in the Russian market.

Keywords: Kazakhs; peasant-migrants; the agrarian question; agriculture; animal breeding; trade; Russian Empire; West Kazakhstan; Turgay region; Ural region; land lease; XIX century; XX century; steppe regions study expedition; Turgay-Ural colonization district; Stolypin agrarian reform; nomads; Orenburg border commission; Bukey horde; Mangyshlak district.

УДК 94+930(470+574)

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ИНКОРПОРАЦИИ МЛАДШЕГО ЖУЗА КАЗАХОВ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

© 2016

Г.Б. Избасарова, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории России XIX – начала XX века
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Аннотация. Младший жуз казахов, в силу внешне- и внутривосточных причин, первым вошел в состав Российской империи. Инициатором инкорпорации в состав Российской империи части казахского социума был чингизид Абулхайр. Обострение казахско-башкирских, казахско-калмыцких, казахско-дзунгарских отношений приводит к поиску сильного союзника. В начале XVIII в., после Прутского похода, интересы Российской империи с черноморского направления были перемещены на азиатское, т.е. на юго-восточное. Становление имперской концепции, изменение в обществе понятия исторической миссии России на международной арене приводит к формированию новых стратегических и политических задач Российской империи. Основанная в 1724 году императором Петром I Академия наук и представители местных администраций стали пояснять русской общественности политику «приобретения новых земель». В статье изучается отражение данного события в русской историографии XVIII–XIX вв. Уделяется внимание изучению понятия подданства, трактовке его характера, оценке портрета казахского хана Абулхайра представителями дореволюционной историографии. В статье рассматриваются взгляды П.И. Рычкова, А.И. Левшина, которые в своих трудах впервые на основе архивных, аутентичных источников, собрав большой фактический материал, научно обосновали мнения по проблеме инкорпорации.

Ключевые слова: инкорпорация; историческая миссия России; империя; казахи Младшего жуза; дореволюционная историография; Оренбургский край; хан Абулхайр; П.И. Рычков; А.И. Левшин; И. Казанцев; И. Крафт; А. Добросмыслов; Петр I; внешняя угроза; внутривосточная борьба в Степи; Хива; миссия А. Тевкелева.

Под влиянием Петровских реформ в I половине XVIII в. наука становится важным элементом государственной политики. Усиление России на международной арене, определение ее нового направления внешней политики в сторону Азии, утверждение имперской концепции потребовали изучения истории, культуры, нрава, социально-экономических особенностей народов, обитавших в пределах империи.

Организация комплексных академических экспедиций, привлечение архивных, археологических, этнографических (анкетирование), лингвистических источников дала толчок превращению знаний о казахско-кочевниках в науку. Историография проблемы инкорпорации Младшего жуза казахов в состав России начала складываться с XVIII в.

Первые администраторы Оренбургского края заложили основу научного изучения истории, географии, быта, религии казахов. Они, являясь представителями высшей власти на окраине, пытались собрать материал о подведомственных народах окраины, искали ответы на злободневные вопросы. После инкорпорации Младшего казахского жуза и части Среднего жуза начинается научное и геополитическое обоснование данного процесса.

В данной статье рассматриваются взгляды представителей местной Оренбургской администрации, выразителей русской мысли XIX в. на процесс присоединения казахов Младшего жуза в состав империи.

Исследуются вопросы, как в русской историографии XVIII–XIX вв. рассматривались причины обращения казахской элиты в лице Абулхайра к принятию подданства, изучается освещение в дореволюционной историографии хода самого процесса, понятия характера подданства и описание политического портрета хана Абулхайра.

С именем П.И. Рычкова связана первая официальная история Оренбургского края. Его знаменитая «Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии Наук корреспондентом Петром Рычковым» (1762 г.), а также «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии» (1759 г.) были первыми научными трудами, где обстоятельно изучалась история и география региона. Немало страниц в этих работах посвящены и истории Младшего казахского жуза. «Обстоятельные и совершенно верные описания народов Оренбургского края были крайне необходимы для России», – писал автор. Биограф П.И. Рычкова академик П.П. Пекарский так оценивал первый труд: «Появление в свете «Топографии Оренбургской» было для своего времени событием заметным и в литературе, и в обществе. Из нее в первый раз узнаны были разные подробности о таком крае, который мало был известен не только большинству публики, но и самому правительству. Последнее, отправляя туда главных

начальников, давало им полномочия, в силу которых те могли распоряжаться в стране по собственному усмотрению и не отдавая никому отчета в своих действиях. В России смутно знали, что в оренбургском крае идет отчаянная борьба между туземным населением и новыми пришельцами из наших; что там беспрерывные восстания; что туда требуются войска, и т. д. При таком положении края труд о нем Рычкова был важной новостью для современников» [1, с. 66].

Петр Иванович долгие годы проработал в губернской канцелярии. Он начал свою деятельность в крае еще при И.К. Кириллове «в правлении канцелярских дел», затем работал при В.Н. Татищеве, В.А. Урусове, Л.Я. Соймонове, И.И. Неплюеве, но со следующим начальником края с А.Р. Давыдовым отношения не сложились. После отъезда И.И. Неплюева с февраля 1758 года по июль 1759 года, до прибытия А.Р. Давыдова, обязанности начальника края исполнял генерал-майор А. Тевкелев совместно с советником П.И. Рычковым [2, с. 125]. По мнению А.И. Добросмыслова, А.Р. Давыдов не обладал умением вникать в суть дела и понимать окружающие обстоятельства. Людьми способными и знакомыми с местными условиями края он не дорожил и обращался надменно. Из-за этого в 1761 году П.И. Рычков вышел в отставку с чином статского советника [2, с. 125]. Через некоторое время снова вернулся в Оренбург начальником главного соляного правления. В 1774 году обострились отношения между оренбургским губернатором И.А. Рейнсдорпом и П.И. Рычковым по поводу описания последним оренбургской осады во время восстания под руководством Е. Пугачева.

Личное знакомство с казахской элитой, башкирскими старшинами и тарханами, работа с источниками, личные наблюдения автора помогли ему создать труды, которые стали важной вехой в истории изучения народов окраины. Они стали заметным явлением в области исторической науки того периода.

П.И. Рычков, как современник происходивших исторических явлений, дал свое видение на многие процессы, в том числе и на присоединение Младшего жуза казахов к Российской империи. Автор среди причин обращения хана Младшего жуза Абулхаира к Российской империи выделяет внешнюю угрозу. По его мнению, «киргиз-кайсацкой Меньшой Орды Абулхаир претерпевал великие разорения и обиды, с одной стороны от зюнгорских калмык, ...а с другой стороны – со смежного им башкирского народа» [3, с. 5–8]. Вместе с тем П.И. Рычков отмечает, что главной причиной прошения подданства ханом Абулхаиром было стремление вернуть исконные земли казахов, потерянные ими во время джунгарской войны.

А.И. Левшин, или, как называл его Ч.Ч. Валиханов, «Геродот казахского народа», в 1818 году поступил на службу в Коллегию иностранных дел, служил в Азиатском департаменте. По указу императора Александра I 22 июня 1820 года коллежский советник В. Тимковский был назначен председателем Оренбургской пограничной комиссии, вместе с ним в Оренбург прибыл титулярный советник А. Левшин, назначенный письмоводителем. После отъезда В.Ф. Тимковского в Санкт-Петербург А.И. Левшин занялся разбором дел архива пограничной комиссии. Здесь он собрал материал для будущей своей работы «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (СПб., 1832), который является фунда-

ментальным исследованием истории, этнографии, географии казахского народа.

А.И. Левшин в своем обстоятельном историческом труде среди причин принятия подданства отмечал личный интерес хана Абулхаира. По его мнению, «хан думал о пользе народу своему, но еще больше заботился о средствах усилиться и возвыситься над соперниками и врагами своими, в частности над ханом Каипом» [4, с. 178]. По мнению А.И. Левшина, Абулхаир заботливостью и постоянством продолжал представлять своим подвластным ожидавшие их в недалеком будущем бедствия, «хан решительно объявил им, что нет другой меры к спасению, кроме добровольного вступления в подданство России» [4, с. 178].

Негативное оценивание причин сближения казахского лидера с царским правительством, характеристика хана, данная И.И. Неплюевым, как «хитрого интригана», «высокомерного», «лживого» перешло в труд А.И. Левшина.

Позднее левшинские оценки психологических черт личности и характера правления Абулхаира, основанные на материалах И.И. Неплюева, были фактически полностью восприняты последующей историографией и послужили исходной мировоззренческой основой для концептуальных построений всех других дореволюционных исследователей истории Казахстана Нового времени [5, с. 9].

В XIX в. происходит формирование основных концепций по проблемам изучения политики Российской империи на окраинах. Тема присоединения Младшего жуза к России в качестве центральной присутствует практически во всех работах. Концепции возникают в рамках стратегических задач империи, включаются в реальную политику для обоснования реализации политики расширения границ: «собрание земель» и выполнение православной христианской миссии.

Представленный в работе А.И. Левшина материал о казахско-русских отношениях, о присоединении казахов к России, политический портрет Абулхаира перешел в труды большинства авторов XIX в. Так, например, Л. Мейер писал, что исследование о казахской степи Оренбургского ведомства он проводил во время военных экспедиций. Вместе с тем, автор указывает, что работа его была написана на основе трудов А.И. Левшина, Бларамберга, Эверсмана, Небольсина и др. Он также указывает, что уделил внимание изучению архивных материалов, хранившихся в областном правлении оренбургскими казахами, в генерал-губернаторской канцелярии, штабе войск Оренбургского края и Оренбургского таможенного округа.

Итак, Л. Мейер, характеризуя хана Младшего жуза, отзывался о нем негативно: «лживый, корыстолюбый и неспособный приобрести прочное влияние» [6]. Подданство оценивал как его личное дело. В таком же русле оценивается деятельность хана в работе М. Красовского: «Абулхаир ввиду личных выгод, которых мог достигнуть в Орде чрез признание над собой власти русского правительства, решился в 1730 году просить императрицу Анну о принятии его со всем киргиз-кайсаком народом в подданство России» [7, с. 58]. Среди причин принятия подданства автор также выделяет обострение отношений с соседями, в частности, с волжскими калмыками, яицкими казаками, башкирами, каракалпаками и хивинцами.

И.И. Крафт, А.И. Добросмыслов на основе неизвестных архивных документов тургайского областно-

го правления, законодательных актов ПСЗРИ дополнили исторический материал о казахах XVIII–XIX вв. Но общая тенденция в оценке изучаемых нами событий не изменилась.

По мнению И.И. Крафта, Абулхаир «усмотрел личные выгоды» и с принятием подданства думал, что «выдвинется между другими ханами, будет самым влиятельным и самым любимым властелином кочевников» [8]. Предложение подданства рассматривается уловкой со стороны Абулхаира, и, по мнению С. Жуковского, хан воспринимал этот процесс как выгодную сделку [9]. И.И. Крафт среди причин присоединения казахских земель к России также выделяет внутренние неурядицы, междоусобные распри.

А.И. Добросмыслов, издавая свою работу «Тургайская область. Исторический очерк», ставил цель – составить о Тургайской области возможно полную справочную книгу, в которой можно было бы найти сведения о населении, торговле, скотоводстве и т.д. Его работа увидела свет благодаря поддержке военного губернатора, генерал-лейтенанта Я.Ф. Барабаш [10, с. 2].

А.И. Добросмыслов считал причиной неудач модификации системы управления в Младшем казахском жузе плохое знание Степи и ее обитателей. Он писал: «Русское правительство в своих сношениях с киргизскими владельцами и тех мерах, которыми оно хотело внести более или менее прочное устройство управления в киргизских (казахских – Г.И.) ордах, не могло достигнуть благоприятных результатов, так как не имело возможности приобрести сколько-нибудь удовлетворительных сведений об истории киргиз, их нравах, обычаях, характере народа. Оренбургское начальство, постоянно отвлекаемое устройством вообще юго-восточного края и, в частности, главнейшим образом башкирскими делами, управляло степью издали и не имело на нее никакого влияния» [10, с. 45–46].

Описывая приезд хана Абулхаира после его участия в башкирском восстании, и дачу второй раз присяги на подданство России (август, 1738 года), А. Добросмыслов говорит о том, что хан долго не соглашался подписываться рабом. «Абулхаир говорил: "Человек живет в свете и детьми память о себе оставляет, но сия память и скоту равна есть, а честь приобретенная человеку, во веки не умирает, и я тем ныне наиболее должен радоваться, что мое имя в так великом и славном государстве известно". Татищев сказал на это: "...не только у нас, но и во всей Европе будет известно, потому что у нас такие дела напечатывают и всюду разошлют"» [10, с. 28].

Следующие авторы, А.И. Левшин, А.Е. Алекторов, П.П. Семенов, обратили внимание на разобщенность действий трех правителей: хана Младшего жуза Абулхаира, Среднего – Семеке, Старшего – Жолбарыс, а также и на внутрисполитическую ситуацию в них. По их мнению, вражда между влиятельными султанами, правителями трех жузов привела к поиску сильного покровителя.

И.И. Крафт обратил внимание, что по старости лет, в конце периода правления хана Тауке, Каип и Абулхаир были избраны сопровождающими. «Среди киргизских (казахских – Г.И.) родов начались взаимные несогласия и междоусобия, и этими внутренними смутами не замедлили воспользоваться соседние народы», – писал автор [8, с. 17].

Таким образом, в дореволюционной историографии выделяются следующие причины принятия подданства казахами Младшего жуза:

1) личная заинтересованность хана в присоединении своих подданных к Российской империи, для усиления власти и захвата лидерства среди чингизидов;

2) внешнеполитическая причина – угроза со стороны джунгар, волжских калмыков, башкир, хивинцев;

3) внутрисполитическая – межродовая вражда, междоусобицы, поиск сильного покровителя в лице Российской империи нужен был кочевникам для обеспечения мира и спокойствия.

Надо отметить, что научные работы П.И. Рычкова и А.И. Левшина, написанные на основе архивных материалов, аутентичных источников, стали основой для дальнейших трудов исследователей.

Следующая проблема, которую ставили дореволюционные авторы, – понимание характера подданства, с одной стороны, казахами, а с другой – Российским государством.

П.И. Рычков, А.И. Левшин обратили внимание на обязательства со стороны хана Абулхаира:

1) охрана безопасности российских границ, «смежных с землями его орды»;

2) защита купеческих караванов и сопровождение их через казахские степи;

3) в случае необходимости давать войска, подобно башкирам и калмыкам;

4) платить дань или ясак звериной кожей [4, с. 185].

Абулхаир также просил утверждения ханского достоинства только в его роде и строительства города с крепостью при впадении реки Орь в Урал, в которой мог бы он найти убежище в случае опасности. Россия, со своей стороны, рассчитывала, что после принятия подданства казахами Младшего и Среднего жузов она обеспечит себе спокойствие на юго-восточной границе, обезопасит купеческие караваны, расширит торговлю с восточными рынками. По мнению вышеуказанных авторов, казахский хан не выполнял своих обязательств, и объясняли они это номинальным характером подданства. «Ни одного из сих обязательств не мог он исполнить на деле, ибо не имел довольно власти над народом своим, подобно всем наследовавшим ему ханам», – писал А.И. Левшин [4, с. 185].

По вопросу ханской власти А. Добросмыслов отмечал: «Ханы, которым мы покровительствовали, не только не были в силах руководить народными массами, но их самих мы не могли заставить уважать высшую русскую власть и исполнять ее требования. Ханы смеялись над русской властью и ее безсилием. Безнаказанность и снисходительность русского правительства постепенно убеждали киргизский народ в его слабости [10, с. 46].

Л. Мейер пытался найти ответ «странному факту», почему около столетия Российская империя управляла казахами номинально. Он объяснил этот факт тем, что утверждение ханского достоинства в роде Абулхаира было ошибочным, нарушением «коренного начала» свободы в выборах хана.

С.В. Жуковский объяснял невыполнение казахами своих обязательств, их набеги на линию и разорение русских жилищ тем, что Россия не была подготовлена к управлению новыми подданными, не изучила их нрав, обычаи и т.д.

И.И. Крафт указывая на то, что казахи не придавали актам империи того значения, которое вкладывало

в них российское правительство, отмечал: «Киргизы нисколько не задумывались над тем, что они в качестве подданных русского государства, не вправе делать этого... С одной стороны, отсутствие у киргизов сознания о святости верноподданнической присяги, с другой – пустынность и малоизвестность киргизской степи и сопредельных с нею независимых ханств, где во всякое время могли искать покровительства киргизы, при малейшем недовольстве русскими порядками – ставили неодолимые преграды к водворению русского владычества над киргизами».

М. Красовский замечает: «Вследствие малого нашего знакомства с киргизским народом, в способе управления им являлись со стороны русского правительства такие мероприятия, которые, проявляя бессилие русской власти, производили беспорядки, сеяли вражду между соседними народами и даже отдельными родовыми группами одного и того же народа, вместо того, чтобы прекращать беспорядки и примирять враждующие стороны [7, с. 58–59].

По мнению А.И. Макшеева, номинальному характеру подданства способствовал принцип удерживать казахов в повиновении, в зависимости от ситуации, милостями и подарками или строгостью и страхом. «В течение всего прошлого и начала нынешних столетий они только номинально считались русскими подданными, но в действительности были независимыми», – писал автор [11, с. 103].

И. Казанцев, прослуживший 20 лет по пограничной части в канцелярии главных начальников Оренбургского края: при генерале от кавалерии Г.С. Волконском, генерале от инфантерии П.К. Эссене, графе П.П. Сухтеленe и генерал-адъютанте В.А. Перовском, зная лично казахских ханов Шергазы Айшуакова и Джангира Букейханова, многих султанов-правителей, собрал сведения и составил описание о башкирах, казахах и хивинцах с 9 приложениями [12]. И. Казанцев делал упор на раскрытие внутренних противоречий казахского социума.

М.А. Терентьев называет подданство казахов «престранным, податей они не платили, повинностей не несли, а наше правительство все-таки ухаживало за ними» [13]. По мнению автора, только строительство крепостей было лучшим средством удержания казахов в повиновении. Награждение ханов подарками, а после выплата, начиная с Нуралы, жалования рассматривается М.А. Терентьевым как покупка мира у кочевников.

Изучение отражения в дореволюционной литературе понимания характера подданства, приводит к следующим выводам:

1. По мнению дореволюционных авторов, подданство было номинальным.
2. Удерживание ханов подарками, выплатой жалования привело к номинальности подданства.
3. Назначение ханов империй также повлияло на характер подданства.
4. Отсутствие знания обычаев и норм жизни кочевников негативно сказалось в осуществлении политики империи на окраине.
5. Отсутствие русских оседлых пунктов в крае было также одним из негативных факторов при первом периоде продвижения империи в глубь Степи.

Таким образом, для дореволюционной историографии было характерно изучение причин номинальности подданства со стороны казахов. Лишь только

П.И. Рычков, а позднее А.И. Левшин обратили внимание на невыполнение обязательств со стороны российской администрации.

Освещение хода присоединения Младшего жуза казахов к Российской империи нашел отражение в работах П.И. Рычкова, А.И. Левшина, И.И. Крафта, М.А. Терентьева, А.Е. Алекторова.

Работа П.И. Рычкова «История Оренбургская», как говорилось выше, написана на основе архивных материалов Оренбургской губернской канцелярии. Здесь содержатся документальные материалы официального характера. Грамота хану Абулхаиру императрицы Анны Иоанновны от 10 июня 1734 года, хану Семеке о вторичном принятии его в подданство, указы императрицы о создании Оренбургской экспедиции и т. д. Именно в данной работе описывается ход присоединения Младшего жуза к России. Обращается внимание на миссию А. Тевкелева и его усердие по выполнению задач экспедиции. П.И. Рычков подчеркивал, что казахи приняли подданство благодаря убедительной речи А. Тевкелева, «на одном большом и последнем их киргиз-кайсацком сборе большая часть из того собрания купно с ханом и с помянутым киргиз-кайсацким знатнейшим старшиной Букенбаем ея.и.в. присягу к верности учинили». На роль другого батыра, башкирского старшину Таймаса, известного в Орде храбростью, обратил внимание А.И. Левшин. Знаменитый и чтимый как в Младшем, так и в Среднем жузе Букенбай батыр, по мнению А. Левшина, вызвался быть первым его покровителем [4, с. 182]. Не останавливаясь подробно на всех событиях в Степи, так как они еще не были известны (Журнал А. Тевкелева 1731–1732 гг. не был еще введен в научный оборот), авторы перешли далее к описанию отправки сына хана – Ералы султана и др. вместе с Тевкелевым в Петербург.

И.И. Крафт использовал исследование султана Т.А. Сейдалина II, где он восстановил по именам всех присягавших в то время казахских родоначальников, современное место кочевания их потомства в XIX в. по областям и уездам, возникшим после реформы 1867–1868 гг.

Перевод подписей казахских родоначальников к принятой ими 3–5 августа 1738 года присяге на подданство России выглядел следующим образом: «1. Средней Орды поколение Найман, Кунакай батыр Янкшиев (в нынешней Семиреченской области, а частью в самой южной части Тургайской уезда); 2. Аргынского рода Карабалуан Алдияров (в южных уездах Акмолинской области и в Тургайском и Николаевском уездах Тургайской области); 3. Кипчакского рода, Кулденен Тюлебатыр Рысметов (в Николаевском уезде); 4. Малой Орды: Алчинец Чумекеевского рода, Мамбет Аталык Булгаков (в Казалинском и Иргизском уездах). 5. Алчинец алачинского рода Байсеу Бутпанаев (в Уральской области, а частью в Перовском уезде, Сыр-Дарьинской области)» и т.д. [8, с. 43–46]. И. Крафт обратил внимание на принятие подданства казахами части Среднего жуза.

Таким образом, в дореволюционный период политические аспекты русско-казахских отношений, в том числе вопрос инкорпорации казахов Младшего жуза в состав России рассматривался с точки зрения государственных интересов северного соседа казахов и

имперской идеологии. Авторы едины во мнении о добровольном характере принятия присяги, о номинальном характере подданства казахов. Изучая причины принятия подданства, авторы выделяют внешнюю угрозу, внутреннюю политическую нестабильность, личные планы хана Абулхаира. Для политического портрета хана характерно негативное описание.

Проблема различного понимания подданства казахами и российской администрацией появится в более поздний период. Заслуга дореволюционной историографии в том, что она накопила большой фактологический материал. П.И. Рычков, А.И. Левшин, И. Казанцев были представителями пограничной администрации, и собранный ими материал стал основой для следующего поколения историков, изучавших казахскую Степь XVIII–XIX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867.
2. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 2. Оренбург, 1901.
3. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.

4. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсаких, орд и степей. Алматы, 1996.
5. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.
6. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России Оренбургского ведомства, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб., 1865.
7. Красовский М. Область сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба Т. 1. СПб., 1868.
8. Крафт И.И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 12. Оренбург, 1897.
9. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. СПб., 1915.
10. Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900.
11. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890.
12. Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867.
13. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906.

THE HISTORIOGRAPHY OF THE KAZAKHS' JUNIOR HORDE INCORPORATION INTO THE RUSSIAN EMPIRE (THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD)

© 2016

G.B. Izbassarova, candidate of history sciences, associate professor,
doctoral candidate of History of Russia of XIX – Beginning XX Centuries Department
Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Abstract. The Kazakhs' Junior Horde, due to external – internal political reasons was the first one who became the part of Russian Empire. Chinggisid Abulkhair was an initiator of the Kazakh society incorporation into the structure of the Russian Empire. The aggravation of the Kazakh-Bashkir, Kazakh-Kalmyk, Kazakh-Dzungar relations leads to a search for a strong overlord. At the beginning of the 18th century, after the Prut campaign, the interests of the Russian Empire moved from the Black Sea to Asia, which is south-east direction.

Formation of the imperial concept, change in the concept of Russia's historical mission on the international scene forms new strategic and political aims of the Russian Empire. The Academy of Sciences founded in 1724 by the emperor Peter I as well as representatives of local administrations started to explain to the Russian public the «acquisition of new lands» policy. The reflection of this event to the Russian historiography of the XVIII–XIX centuries is studied in this article. The attention is paid to the study of a concept of citizenship, an interpretation of its character, assessment of the Kazakh khan Abulkhair, the accession initiator by pre-revolutionary historiography representatives. The article considers views of P.I. Rychkov, A.I. Levshin, who are for the first time in their writings, on the basis of archival, authentic sources, gathered a wealth of factual material, scientifically substantiated opinions on the issue of incorporation.

Keywords: incorporation; Russia's historical mission; empire; the Kazakhs' Junior Horde; pre-revolutionary historiography; Orenburg region; Abulkhair Khan; P.I. Rychkov; A.I. Levshin; I. Kazantsev; I. Kraft; A. Dobrosmyslov; Peter I; external threat; internal political struggle in the Steppe; Khiva; A. Tevkelev's mission.

УДК 94

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМ» В ЗАПАДНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

© 2016

П.Н. Мухатаев, аспирант кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения
Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара (Россия)

Аннотация. В данной статье рассматривается разнообразие значений понятия «социал-дарвинизм», начиная с конца XIX века, когда этот термин только начал использоваться в научных кругах, и на протяжении всего XX – начала XXI века. Автор исследует историографию вопроса о влиянии работы Чарльза Дарвина «Происхож-